

Многогранность таланта

Всем, кто хоть немного интересуется историей советского периода, без сомнения, известно имя Александра Васильевича Чаянова. Уже в предреволюционные годы он стал крупнейшим авторитетом в области организации сельского хозяйства, автором полутора десятков научных работ, активным пропагандистом общественной агрономии. О широте его научных интересов говорят названия некоторых его работ: «Кооперация в сельском хозяйстве Италии», «Письма из сельскохозяйственной Бельгии», «Некоторые данные о значении культуры картофеля в нечернозёмной России».

После революции деятельность Чаянова становится ещё более активной: он создаёт Научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики и становится его директором, работает в Госплане, пишет научные статьи, едет советником в Геную на первую международную конференцию с участием советского государства и т.д. и т.п. — всего в краткой статье не перечислить. Но осенью 1937 года его жизнь трагически оборвалась: он был арестован, обвинён в антисоветской деятельности и расстрелян. Александр Васильевич не дожил до пятидесяти лет.

Прошли десятилетия. Работы Чаянова и его школы переизданы и хорошо известны специалистам. Однако ещё одна грань его яркого таланта остаётся в тени. О ней-то мы и поговорим.

Отец Чайнова, по происхождению крестьянин Владимирской губернии, мальчиком пошёл работать на ткацкую фабрику в Иваново-Вознесенске, затем стал компаньоном хозяина, а потом открыл собственное дело. Его мать, из культурной мещанской семьи города Вятки, была в первой группе женщин, допущенных к учёбе в Петровской земледельческой и лесной академии.

Чаянов получил хорошее домашнее образование, знал несколько европейских языков. В 1906 году, по окончании реального училища, он поступает в ту же академию, которую закончила его мать. Академия славилась не только живым интересом к общественным проблемам, но и особой любовью её слушателей к литературе. Неслучайно из среды петровцев вышли писатели В. Короленко, М. Пришвин, И. Новиков и другие.

Нам мало известно о формировании художественных склонностей Чайнова. Есть упоминание о пьесе, написанной им в реальном училище. В Петровской академии он входит в один из литературных кружков и, по-видимому, тогда начинает писать всерьёз: в первый изданный им в 1912 году небольшой сборник стихов, «Лялина книжка», вошли и стихотворения 1908-го года.

И опять поражает круг его интересов: за 1918–1928 гг. он выпускает шесть повестей, посещает рисовальные классы Юона, пробует свои силы в гравировании, читает в Московском университете курсы по истории и топографии Москвы, выпускает несколько серьёзных московедческих работ,

коллекционирует иконы, гравюры. Собранная им библиотека принадлежала к числу замечательных частных собраний. Не ограничиваясь только лишь собирательством, он изучает историю искусства, а также историю и психологию собирательства и публикует об этом несколько любопытных статей. Можно сказать, что для Чайнова искусство являлось методом познания, а познание становилось искусством. Неслучайно многие его экономические работы имеют публицистическую направленность, написаны с яркостью и образностью художественных произведений.

Известно и о влиянии творчества Чайнова на современную литературу. «Ещё одна книга, изданная в том же 1922 году и, возможно, тогда же купленная, — пишет М. Чудакова в статье «Условия существования» (В мир книг, 1974, № 12), — долгие годы стояла в библиотеке Булгакова и пользовалась, по словам жены, особенной его любовью». Речь идёт о повести Чайнова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей». События, описанные в этой, а также в других повестях Чайнова близки к атмосфере московских фельетонов-хроник Булгакова начала 20-х годов. Позже Чудакова также писала, что повесть «Венедиктов» несомненно «стимулировала замыслы и сюжетные ходы и «Мастера и Маргариты», и «Записок покойного».

Дорогой читатель, сегодня мало кто знает фантастические повести Чайнова, которые, по сути, предвосхитили тему «приключений нечистой силы в декорациях Москвы». После расстрела автора, при советской власти повести Чайнова не издавались вплоть до Перестройки.

Лежащая перед вами книга, как и все повести Чаянова, имеет подзаголовок: «романтическая повесть». Повесть и в самом деле романтическая в классическом понимании этого жанра. Первые же страницы книги — описание посетителей бильярдных залов Купеческого собрания, не замечающих ничего, кроме движения бильярдного шара по сукну, — погружают нас в странный, фантастический мир: призраки скользят по туманным улицам Москвы, описанные с достоверной точностью улицы превращаются вдруг в пугающие провалы, лёгкий дымок пенковой трубки выписывает манящий образ, неодолимые страсти ломают жизнь героев...

Вас, читатель, ожидает знакомство с увлекательным миром, созданным талантливым учёным и писателем, — Александром Васильевичем Чаяновым.

Л. Серебрякова

*Ольге — спутнице дней моих
посвящаю эту книгу*